

УДК 930.01

И.Ю. Николаева**КОМПЕНСАТОРНЫЕ ФУНКЦИИ ТЕОРИИ
В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА ИСТОЧНИКОВОГО ЗНАНИЯ**

Дано обоснование теоретико-методологических ресурсов преодоления дефицита источниковой информации в исторической антропологии. Показывается возможность с помощью комплиментарных теорий в режиме корреляции результатов макро- и микроисторического анализа строить непротиворечивые интерпретации.

Ключевые слова: историческая антропология, макро- и микроистория, Средневековье.

Шлейф постмодернистской парадигмы, при всей увесистости критики в ее адрес, заметно ощущаем и в нынешнем историографическом пространстве. Применительно к проблематике, относящейся к синергии макро- и микроистории, это проявляется, по меньшей мере, в двух плоскостях историографической практики. Освобождение истории, цитируя Фуко, от «чахлой идеи реальности», вылилось в явление, которое можно назвать дегуманизацией истории. Фрагментаризация и усиливающаяся неопределенность самого понятия индивидуального «я» привели к тому, о чем говорил все тот же Фуко, предсказывая в заключительных словах своей последней книги, что человек «скоро исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [1. С. 487]. Это, во-первых. Подчеркну, что эта опасность особенно актуальна для тех доменов истории, где исследователь сталкивается с таким объективным препятствием на пути научного поиска, как дефицит источниковой информации. С таким препятствием часто сталкиваются исследователи, работающие в жанре исторической антропологии.

Вторым значимым явлением следует назвать теоретический эскапизм, осознанное или неосознаваемое небрежение теорией. Сошлюсь на мнение авторитетного французского историка А. Герро, говорившего, что десятилетие 90-х являет «собой грустный спектакль: дробление тем, отсутствие всякой концептуальной работы, общее истощение и упадок сил» [2. С. 95]. Ситуация прозрачно высвечивается положением в одном из бывших полигонов инновации – медиевистике. Как отмечает тот же Герро: «Во Франции тексты о феодальной Европе, где выражена более или менее абстрактная точка зрения или предлагаются какие-либо концептуальные нововведения, можно пересчитать по пальцам одной руки. Эта самоубийственная атомизация, включающая необходимый в изучении социальных отношений разговор о структурах, заставляет думать, что настоящее мелководье еще впереди» [2. С. 95]. Неудивительно, что проблема соотношения микро- и макроанализа в историческом исследовании, еще не так давно служившая актуальной проблемой дебатов, сегодня ушла на второй план. Между тем именно верно найденный путь соотношения этих пластов исследования может дать проверяемый результат. При одном важном условии – корректности отбора теоретических компонентов для анализа как микроявления, так и макроисториче-

ского интерьера его бытования. Верный выбор теории позволит компенсировать дефицит источниковой информации (Подробнее см.: [3]).

Для наглядности используем хорошо всем известный образ д'Артаньяна. Для постмодерниста феномен д'Артаньяна – сконструированная сознанием Дюма данность, по сути, миф. Мало кто, знакомый с кухней создания образа, будет отрицать наличие вымысла у Дюма. Однако тем эта данность и интересна, что, при всех туманностях вокруг нее, она несет в себе некую историко-антропологическую реальность. Ее абрис высвечивается как раз в режиме «большого времени», имеющего отношение к макротеории. Для начала я бы хотела прибегнуть к классической, но редко используемой на практике формуле С.С. Аверинцева, хоть и оформленной соответственно языку исследователя-гуманитария в виде афористичного высказывания, но не теряющей от этого своей непреложной точности. Ученый исходил из бахтинского принципа, согласно которому «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох», в режиме «большого времени». Продолжая эту мысль, С.С. Аверинцев писал: «Оно (большое время. – *И.Н.*) даже реальнее, чем изолированный исторический момент; последний есть по существу наша умственная конструкция, потому что историческое время – длительность, не дробящаяся ни на какие моменты, как вода, которую, по известному выражению поэта, затруднительно резать ножницами. Но совершенно понятно, почему доказательному знанию без этой конструкции не обойтись; только внутри исторического момента факт в своем первоначальном контексте имеет такой смысл, объем которого поддается фиксации. Сейчас же за пределами исторического момента он попадает в новый контекст новых фактов, сплетается с ними в единую ткань, становится компонентом рисунка, проступающего на этой ткани и на глазах усложняющегося, и тогда смысл его имеет уже не только границы объема, сколько опорные динамические линии, куда-то идущие и куда-то указывающие» [4]).

Любая картина национальной или цивилизационной истории имеет такие опорные динамические линии, они составляют остов макроистории. В ней пытливым и квалифицированным исследователем найдут подступы к расшифровке конкретного микроисторического явления, сколь бы ни сложны были проблемы, с ней связанные, как бы ни был скуден источниковый арсенал средств, имеющихся в его распоряжении. Но такого рода поиск должен иметь соответствующую мотивацию, связанную с важностью вопроса для вопрошающего и его социального окружения. Сошлюсь на свой опыт педагогической практики. Несмотря на то, что последнее десятилетие отчасти вернуло почву для идентификации большей части наших граждан с государством, проблема властной вертикали не утратила своей остроты. Студенческой аудитории вполне понятна актуальность поэтической формулы классика: «В России две напасти, внизу власть тьмы, вверху – тьма власти». Вопрос: «Возможно ли представить в Средние века образ д'Артаньяна на русской исторической почве?» – в студенческой аудитории почти всегда получает отрицательный ответ. Собственный социокультурный и социопсихоло-

гический опыт дает основания для, пусть интуитивной, уверенности в том, что фигура исторического персонажа, родственного «кошке, гуляющей сама по себе», не соотносима с реалиями отечественной действительности. Дальнейшее выстраивание культурно-исторического ряда, где бы в ретроспективе можно было увидеть некие корреляты образу в западноевропейской истории, корреляты, позволяющие прочертить те самые опорные линии макроисторического рисунка, приводит нас к прорисовыванию черногового варианта матрицы этого рисунка. Матрицы, в которой свое смысловое значение обретают такие явления, как, скажем, сформировавшийся на западноевропейской почве принцип «вассал моего вассала не мой вассал». Того факта, что вплоть до XV в. бытовала традиция, согласно которой герцоги короновались в своих владениях как государи. Некое «опускание» власти на ступень, сокращающую дистанцию с подданными, отражает характер прозвищ, разительно отличающихся от традиции русского, долго остающегося бинарным сознания, видевшего в правителе либо Великого, либо Грозного. В Западной Европе рано появляются прозвища, свидетельствующие о десакрализации и снижении фигуры короля – Вселенский Паук, Охотник (Людовика XIII – гугеноты, чтобы выразить презрение к нему). В этот ряд вписываются традиции и ритуалы праздничного мира, к примеру, тот факт, что во время карнавалов имела место пусть шуточная, но казнь потешного короля, позволявшая сбросить пар накопленных отрицательных эмоций. В то время как попытка тверских крестьян поиграть в царей в 1566 г., что фиксирует источник, обернулась для них отрубанием двух пальцев руки и ссылкой. Наконец, в эту же картину вписывается поединок во время Столетней войны Эдуарда III с французским дворянином Эташем де Рибмоном, описываемый Фруассаром. Английский король выбирает в первой схватке с французами именно этого рыцаря, имевшего репутацию сильного и смелого воина. Несмотря на достоинства противника, Эдуарду III удалось одержать над ним победу. О том, что он сражался с королем, рыцарь узнал только после того, как получил в дар новую одежду и приглашение отужинать в замке Кале со своим могущественным соперником.

Этот историко-антропологический ряд микропорядка можно без труда продолжить.

Совершенно очевидно, что приведенные явления перекликаются в смысловом отношении с тем, что представлено фигурой д'Артаньяна. Специфичность элиты, отношения которой как внутри собственного социального слоя, так и с главной властной фигурой были более свободными во всей своей повторяемости, относится к одному культурно-историческому и социопсихологическому типу. Типу, который, используя комплиментарный инструментарий теории авторитарной личности и социального характера Э. Фромма, уточненной с помощью концептуального аппарата теории установки школы Д. Узнадзе, обнаруживает на уровне не осознаваемой, но достаточно устойчивой готовности преодолеть страх перед фигурой авторитета, носителя власти. При этом введение такого концепта, как «габитус» П. Бурдьё, существенным образом историзирует реконструкцию социально-психологической идентичности феодальной элиты западноевропейского региона, позволит описать систему

автоматизмов поведения этого агента социального поля через структуру социальных полей, специфическую для латинского Запада. Историк, задающийся вопросом об этой специфике, найдет твердую почву для адекватной интерпретации, обратившись к собственно исторической теории среднего уровня. А именно к разработанной в отечественной историографии, в медиевистике теории синтеза укладов [5, 6], которая дает возможность приоткрыть завесу над тайной культурно-исторической инаковости властных взаимоотношений в среде французской – шире западноевропейской – элиты. Переводя на язык теории габитуса корпус положений теории типологии феодализма, можно сказать, что именно наличие галлоримского магната будет способствовать формированию агента относительно независимого социального поля. Наличие именно этого слоя определит и факт своеобразной средневековой приватизации, и закрепление за ним судебно-административных функций в качестве неотчуждаемого иммунитета, и особенности восприятия власти на социально-психологическом уровне. В итоге формирующийся слой военного сословия, в том числе в среде мелкого рыцарства, имел более широкую возможность маневра, мог оставаться относительно свободным во взаимоотношениях с короной. Все это в совокупности позволяет построить непротиворечивую гипотезу исторической правомерности бытования образа д'Артаньяна как типически знаковой фигуры западноевропейского и прежде всего французского интерьера.

Можно проверить на прочность предложенную стратегию использования теоретико-методологического знания для реконструкции историко-антропологического феномена в условиях дефицита источниковой информации. Именно макротеория в совокупности с пластикой самой исторической динамики, интерпретируемой на микроуровне с помощью обозначенного социокультурного и социопсихологического инструментария, позволяет использовать для проверки выводов, казалось бы, противоречащую ей модель развития, скажем, английской идентичности. Известно, что в раннее Средневековье отсутствие античного наследия, скорее, роднит Англию с Россией, где генезис феодального общества осуществлялся также с весомым преобладанием варварского уклада. Однако в эпоху развитого Средневековья в Англии можно наблюдать многочисленные мутации модуса авторитарного сознания, проявившиеся и в поведении как крупного, так и мелкого рыцарства на Раннимедском лугу, заставившем Иоанна Безземельного капитулировать перед своими подданными, и в статьях Великой хартии вольностей; и в поведении Бешеного парламента; и в цепи культурных явлений, начиная с образа круглого стола, ассоциируемого с текстами Артура цикла, заканчивая тираноборством Иоанна Солсберийского. Наконец, даже в трансформации самого религиозного дискурса, отразившего аналогичное «редактирование» авторитарного властного кода, в частности в раннем отделении *regnum* от *sacerdotium* в текстах Нормандского Анонима XII в. Налицо результат произошедшего втягивания Англии в гольфстрим влияния античного уклада, опосредованно проявившего себя как следствие «прививки», полученной в ходе нормандского и анжуйского завоеваний. Впрочем, здесь же мы сталкиваемся уже с другой проблемой – проблемой необходимости доведения кон-

цепции типологии феодального развития, сформулированной применительно к раннему Средневековью, до уровня возможностей прорисовки различий в классическую эпоху. Но эта необходимость, как представляется, не противоречит предложенной в данном тексте исследовательской стратегии, но, наоборот, работает на нее.

Литература

1. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М., 1997.
2. Герро А. Фьеф, феодальность и феодализм. Социальный заказ и историческое мышление // Одиссей. 2006. М., 2006.
3. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификация в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
4. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7.
5. Удальцова З.В., Гутнова Е.В. К вопросу о типологии феодализма в Западной Европе и Византии // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972.
6. Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 3.